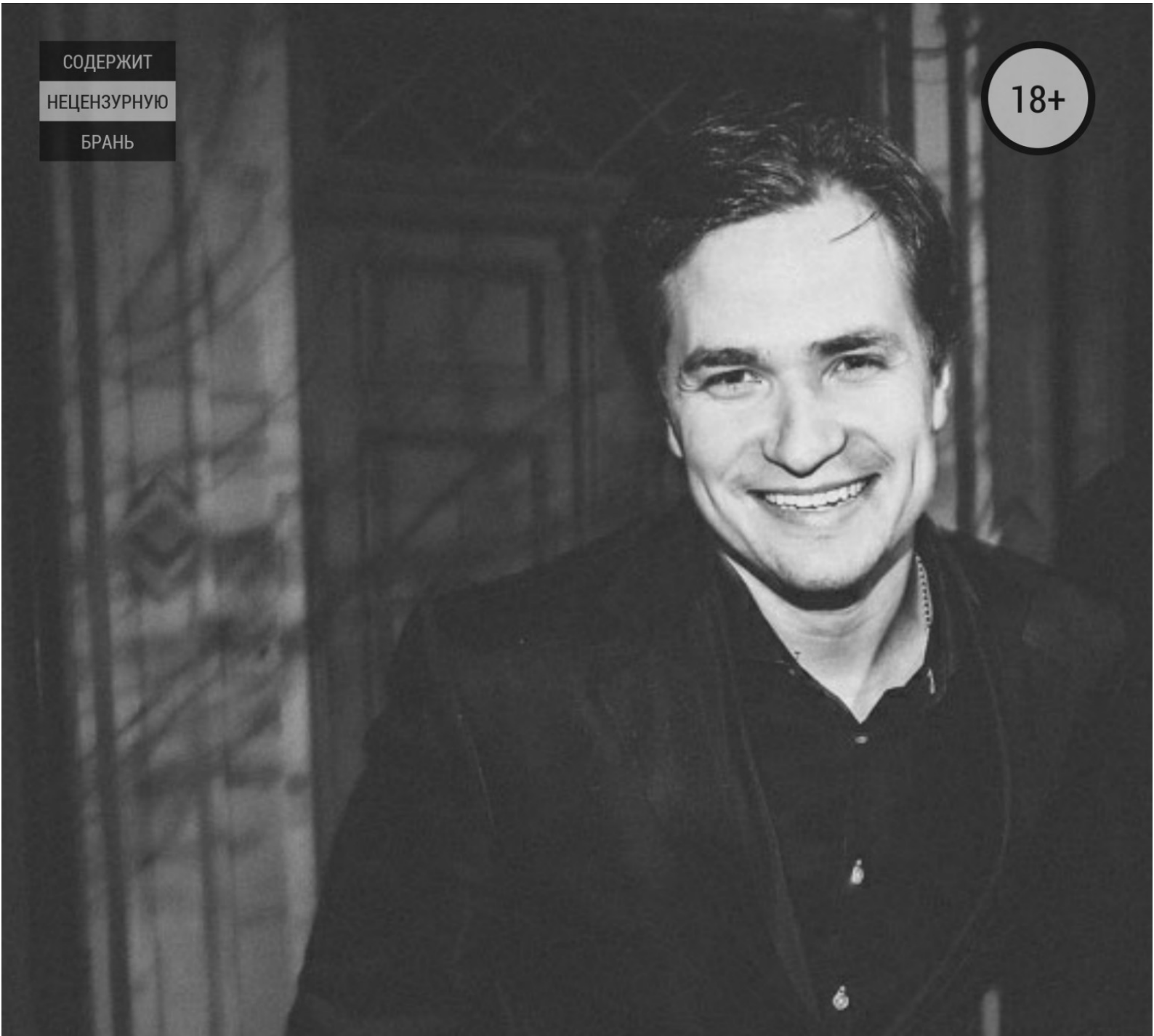

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Вадим Воробьёв

РОСКОШНЫЙ ЛЕВ

Автобиография.
Или как я стал предпринимателем.

Вадим Воробьёв

Роскошный лев

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Воробьев В. А.

Роскошный лев / В. А. Воробьев — «ЛитРес: Самиздат», 2018

Я прочитал более 150 книг о бизнесе и очень многое применил на практике. Здесь я опишу и структурирую этот опыт и знания. Я собираюсь рассказать о своем жизненном пути, затронув многие очень разные темы, повлиявшие на меня и мою жизнь. Уверен, что эта книга будет полезна и интересна для любого читателя, так как в ней очень много искренних историй. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Предисловие	6
Глава 1. Детские годы	7
Детский сад	8
Рыбалка	10
Первые походы	11
Первый кросс	13
Мама	14
Я буду бизнесменом и богатым	15
Первые друзья	16
Какое сейчас детство у нынешних детей?	17
Глава 2. Школьные годы	18
Школа	18
Мелкий хулиган	20
Спорт и футбол	21
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Роскошный лев
Автобиография Вадима Воробьева
Как я стал предпринимателем
Вадим Воробьев, Рига, 2018

Предисловие

Почему я решил написать эту книгу?

1) Эту книгу я решил посвятить своему сыну Льву, а так же жене Наташе и будущим детям. Я уверен, что эта книга будет также полезна и интересна для любого читателя, так как в ней очень много искренних и «трушных» историй.

2) Через 20 лет мне будет 50 лет, а сыну 22 года. Есть большая вероятность, что меня, 50–летнего ворчуна, он слушать не станет. А вот 29–летнего парня может и станет, и поймёт как минимум мой жизненный опыт до 30 лет.

3) Я прочитал более 150 бизнес книг, и очень многое применил на практике. Про многие успешные и не успешные методы я рассказываю друзьям по несколько раз. В книге я опишу и структурирую этот опыт и знания. а) это может кому -то пригодиться б) я выделю сам для себя наиболее важный и ценный опыт и ошибки.

4) Я опишу, проанализирую и подведу итоги своего опыта с помощью этой книги и начну создавать новые интересные истории.

Я собираюсь рассказать свой жизненный путь, и описать его с нынешней моей призмы и взглядов на жизнь. Я постараюсь затронуть многие и очень разные темы на протяжении всей своей жизни, повлиявшие на меня и мою жизнь. Многие наши действия и поступки, не сразу заметны. Иногда они проявляются довольно быстро, а иногда только через долгие годы. Так что я уверен, что абсолютно все наши мысли, действия, окружение – всё это очень важно.

В этой книге, я часто буду выделять отдельных людей, и подробно описывать своё окружение. Так как именно окружение формирует нас. Почти все имена изменены, но поверьте, это не мешает вам при чтении. Главное, что эти люди делали и какими они были. Я искренне, от всей души благодарен всем упомянутым в этой книге людям. Вы сильно повлияли на меня и моё развитие.

Дорой сын, Лев, если ты читаешь эти строки, знай, я выполнил свою главную цель. Я очень горжусь тобой.

Глава 1. Детские годы

Переношусь мыслями в самое далекое детство. Я – русский мальчик, из чисто русской семьи, попадаю в латышский садик. Мне было вроде полтора года. Конечно я их не сильно помню. Но я реально помню пару случаев в два – три года. Как приходит воспитательница, и мы все к ней бежим, и мы почему-то очень рады ее видеть. Я уверен, что мне было примерно два – три года. Потому как знаю, какие группы где располагались. Наверное, это и все. В четыре года в детский сад я не ходил. Не знаю почему, и родители мне об этом не говорили. Скорее всего, были какие-то трудности. Жили мы довольно бедно. Смутно помню, но помню то, что отец был очень часто без работы. Советский Союз распался, какая-то мутная валюта – репшики, везде кидалово. Смутно, но я понимаю, что было сложное время. Наверное, поэтому, примерно год я частенько жил у бабушки Эды (это мама моей мамы). Конечно, жизнь там всегда кипела. Пьянки происходили почти каждый день. Приходили гости, устраивали застолья, напивались, дрались. Я, маленький, плохо это помню, но помню в общих чертах, была реальная жара. Мне перепадали мелкие подачки: конфетки, лимонад. В целом мне вроде нравилось у бабушки. И собака у них была – немецкая овчарка, очень умная. Летом я жил у них на даче, в двух километрах от моря Гарциемс. Рядом сосновый лес, буквально метров 10 от калитки. Почти каждый день ходил в лес за грибами. До сих пор как будто помню запах этого леса, этой грибницы, ну и сами грибы. Много лисичек и маслят. И помню вкус бабушкиных грибов. Их дачу я помню с теплотой. Этого я не помню, но говорят я всегда ходил босой и голый. Я мог согласиться только на майку и кепку. И да, в лес я тоже ходил за грибами голый. В руках ножик и ведро. Первое время рассказывали, что я собирал все подряд. А потом наловчился, стал отличать сыроежек, маслят, лисички, подберезовики. Больше грибов в том лесу я не припомню.

Помню несколько историй от бабушки Эды и деда Яши. Я любил прятки, и однажды спрятался за деревом в лесу. Бабушка и дедушка начали меня искать, ходили по лесу и кричали: «Ваадик! Ваадик!» А Вадик стоял за деревом и играл в прятки! Блин, я не разу не помню, чтобы меня как следует, они отругали или ударили. Наверное, очень любили меня.

Поскольку у них творились шумные посиделки, а я уже тогда был очень любопытным «почемучкой», я все подслушивал и спрашивал свое коронное «почему?». Не помню особо ответов на мои вопросы, ни бабушкиных, ни дедушкиных. Кстати, отвечал нормально на мои «почему» лишь один человек, причем почти всегда. Это мой отец. Он всегда на все находил ответ. Лишь лет в 14 или 16 я понял, что не все его ответы были правдой. Но это уже другая история. Так вот, от бабушки и дедушки я научился крыть матом. Да, уже года в три или четыре. Родители рассказывали, приехал я домой от бабушки, и нормально так начал материться. Не знаю, что я там наговорил, но сочный такой мат. Мама спрашивает, где ты этому научился? Конечно, я сказал, что бабушка с дедушкой так говорили между собой. Старикам тогда досталось от родителей. И вроде они даже приубавили пыл в моем присутствии. Но мат то я все равно слышал, но понимал, что это плохо, так говорят только взрослые. Как и все дети, я хотел, как можно быстрее стать взрослым, поэтому матом начал крыть очень рано. За что мне часто было стыдно, когда я попадался в присутствии взрослых. Стоишь такой, рассказываешь кому-то историю, подчеркивая это добрым матом, а кто-то из взрослых стоит сзади и слушает... Я потом краснел. Много было таких неловких моментов.

Детский сад

Довольно неплохо я помню свое детство примерно с пяти лет. То есть, я был в пятой группе. Не знаю, откуда у меня это было в детском саду, но я уже во всем хотел быть первым. Если драки на подушках, то я должен всех победить. Если мы строим что-то из песка, у меня должно быть самое большое. Я должен быть самый сильный. Даже с едой. Кто первый съест обед, может первым начать играть в игрушки. Я помню, почти всегда я съедал все первый. Ну и уже в детском садике, я начал хулиганить. Никто не мог, или не хотел, или очень боялся перелезть через забор, а тем более сбежать из сада. Я это делал на раз – два. Мог перелезть через забор у всех на виду, обогнуть круг вокруг деревьев, домой, и вернуться обратно. Но самое черное я сделал один раз. Я уговорил своего друга из детского сада, Якоба, пойти к нему играть в компьютер. Самый первый, 8-битовый. «Танчики» и что там было еще. Так вот, мало того, что я его уговорил сбежать, так еще к нему домой и играть в компьютер. Вот помню, под вечер пришли его родители. Нам всыпали по полной. Потому что оказывается, нас искал весь детский сад, сообщили нашим родителям, что мы пропали... А мы сидим такие, в «Компик» играем, пятилетки. Жесть конечно. Не помню, как меня наказали, но больше я не сбежал.

Я же должен был быть самый сильный. А у нас в группе была девочка раза в два больше нас всех. Она была самой сильной. Но не сильная задирала. Но как-то мы с ней все-таки столкнулись. Я не растерялся, взял палку – прут вроде бы, и дал ей по лицу. Слава Богу, у детей там силы никакой нет, и вроде бы я ей поставил шишку или синяк. Но неделю она в детском саду отсутствовала. Меня наказали нормально, больше я девочек никогда не бил. Максимум может, мог толкнуть или потрепать. Но мне кажется, с той поры я начал обижать девочек только словесно. Были в детском садике ребята постарше нас на год. Тогда они казались просто здоровяками по отношению к нам. Год разницы казался громадным. И мне дико не нравился один парень Модрис. Не помню почему, но помню, как я уговорил целую бригаду своих одноклассников, чтобы его побить. Выработал даже целый план, как его выманить, чтобы его одноклассники не вписались. Слабо помню подробности. Но помню, начал драться с ним все тот же Якоб. Модрис его очень быстро уложил, тут подскочил я, и мне кажется, что или мы его вдвоем уложили, или кто-то еще подключился и помог нам. Помню, что я остался доволен. Победили здоровяка.

Сейчас, на момент, когда я пишу книгу, за детьми очень сильно приглядывают. Тогда же, большую часть времени до пяти лет, за мной приглядывал старший брат. То есть, мне четыре года, ему – девять, и так далее. Разумеется, он меня брал с собой гулять. Вынужден был брать с собой. А в то время развал союза, неразберихи. В общем, было криминальное время. Например, в подвале у нас вообще тусили бандиты. Не знаю, насколько серьезные, но бильярд у них был. Так вот, брат и его банда были еще те хулиганы. Мелкое воровство или мелкие преступления были каждый день и помногу. И это пацаны 9–12 лет. То, что я помню: воровство на огородах – фрукты, ягоды, овощи, взрывали бомбочки везде, цеплялись за машины зимой, за бампера, и со спросом, и без спроса. Ездили на электричке куда хотели. В город Огре на горке кататься. Или в Ригу, просто так. Купаться ходили или ездили, куда хотели. Могли от дома и 10 км и 30 съездить. Играли в игры или посещали места, куда вход запрещен. Ботанический сад, со всеми старыми зданиями, Физический институт и т. д. Это только то, куда меня брали. Я слышал, что было все куда серьезней, куда мелкого уже не могли брать. Туда, где шухер был слишком большой. Как говорится, скажи мне кто твое окружение, и я скажу, кто ты. После таких походов с братом, когда я возвращался на район к своим пацанам, мне казалось, я уже мир повидал, делов наделал. А они тут все лузеры. Может быть поэтому, я стал быстро маленьким авторитетом среди своих пацанов. И то, кстати, на год – два все они были старше меня. И

так было почти всегда. Со своими ровесниками я почти никогда не тусил, где бы ни проводил время. На той же даче, чуть позже, все друзья будут старше меня на два – четыре года.

Так вот, я брал своих пацанов и вел на огороды. Выстраивал стратегии, чему научился от старших. Вначале нужно было пройтись, осмотреться, потом смотрим: как и где перелезем через забор. Потом смотрим, что можно похавать (так мы это называли), иногда набирали еще с собой. Но в основном срывали фрукты, ягоды, овощи, чтобы пожрать. Цветы носили матерям, сорванные на огородах. Иногда сорванные на районе, под домами в садах. Вообще деньки летом выстраивались так: с утра идем купаться, после купания идем на район через огороды. Перекусывали. Потом шли купаться в новое место. После купания опять огороды. Под вечер собирались во дворе и играли в разные игры. Салки, прятки, казаки– разбойники, али баба, потом были зомби, и еще всякие игры. Их было куча. Собирались несколькими дворами 10–20 детей. И играли не во дворе. А так, по всему району. Среди двадцати домов примерно. Иногда устанавливая правило одно – в подъезд не забегать. И то, оно постоянно нарушалось.

Наверное, у меня это осталось с огорода еще в Гарциемсе. Летом я всегда гулял босыми ногами. И я единственный играл в салки босиком. И бегал, пожалуй, один из самых быстрых, но по выносливости точно всегда был первый. И это босиком, по асфальту и камням. Теперь, я босиком по щебенке пару метров пройти не могу.

Рыбалка

Меня начали брать в походы вроде около трех лет. Но в четыре – пять уже брали постоянно. Хотел я – не хотел, никого не интересовало. Все было просто: мама работает, у папы выходные. Папа очень любил походы, он натаскал брата еще с трех лет. Он брал его в три года с ночевками и брал даже весной, когда ночью могла быть даже минусовая температура. Брата он зацепил рыбалкой. Дал ему удочку, и у брата пошло, как он мне рассказывал. Как-то раз на хлеб, на поплавочную удочку он наловил много рыбы, совсем еще мелким. С тех пор он полюбил рыбалку. У меня же нет этого воспоминания, чтобы я наловил много рыбы и полюбил рыбалку. Я помню походы так: мне дают здоровенный рюкзак, с меня ростом (как мне рассказывал отец позже, я нес только свою спальную и сменную одежду, ничего более), но мне казалось, что он нереально здоровый. И мы куда-то идем, очень большой спринт. Машины у нас никогда не было. Представьте: нужно было дойти до электрички или автобуса, это минимум 800 метров. Далее, с остановки нужно было дойти до реки, это было от 500 метров, а иногда до двух километров. Как вспоминает отец, я всегда был бедолагой. Постоянно проваливался, постоянно промокал, и он постоянно сушил мою одежду. Мне говорили – не подходи к краю, там скользко, упадешь. Я все равно подходил, поскользнулся и падал в воду. Меня доставали, и даже сильно не ругали. В общем, не любил я как-то эти походы. А к рыбалке относился равнодушно. Поймали рыбу, не поймали – мне все равно. У отца же с братом были совсем другие взгляды, как в принципе и у мамы. Они все были добытчиками. Нужно поймать как можно больше. Отец записывал всегда все свои результаты, вел дневник с заметками. Ловил он в основном на сетки, на донки (закидушки), в общем, не совсем законными методами. Но все равно, рыбалка эта была очень трудоемкая. Выловленную рыбу мы засушивали. К «сушонке» в нашей семье всегда относились как к деликатесу. Причем ели мы ее мешками. Да-да, мешками. Засушивали по 20–30 килограммов рыбы. Конечно, она высыхала, но оставалось 10–20 кг сушеной рыбы, которую мы ели каждый вечер.

Меня брат брал на рыбалку в ботанику. Это от дома было километра два. Он брал «молявочницу» – это такая сетка маленькая, ее привязываешь к палке. Потом кидаешь в воду, она тонет, кидаешь хлеб, мальки сплываются на хлеб, поднимаешь сетку, которая привязана к палке, и ловишь этих мальков. Размером меньше мизинца, это – наживка. Потом на этих мальков ловишь на поплавок окуней и щук. Ловили на «первушке», это рядом с оранжереей, пруд в ботаническом саду. И «вторушке», это чуть дальше вглубь ботанического сада. Ловить там официально запрещено было. Но мы мелкие. Да, нас иногда гонял земессарг. Но к шухеру мы привыкшие были всегда. Брат меня брал довольно часто. Через пару лет, я начал ходить сам. Иногда один, но чаще с другом Женькой. Он любил, или нравилась ему рыбалка, его отец тоже натаскал к этому делу.

Помню, в пять лет я начал ходить на каратэ– До. Вообще, это было первое карате на горке (это наш район), и мне кажется в Саласпилсе даже. Так вот, мы шли с рыбалки с братом, и как раз после рыбалки я сразу пошел на карате. Конечно, в подвале оно проходило. И я помню, мы стояли на кулаках. И я первый раз в жизни подумал, что я ничего толком хорошо не помню. Но этот момент я должен запомнить на всю жизнь, и всегда помнить о нем. И когда я вырасту, я буду помнить этот момент. Когда мне было пять лет, и я пришел с рыбалки на карате. И теперь стою на кулачках и думаю об этом. Вот дела... Через 25 лет, я пишу эту историю в своей книге, которую хорошо запомнил.

Первые походы

Продолжаю тему рыбалки. Мне было пять лет, брату десять, и мы жили по две недели на другой стороне Даугавы. Подробней об этом. Яуногре, примерно километров восемнадцать от Саласпилса. Где еще заправка «Лукойл», или прямо рядом со знаком Огре. Место для рыбаков, под тополями. Мы приезжали на электричке в Яуногре, шли изнурительные два километра. С множеством остановок (скорее всего из-за меня, потому как мне было очень тяжело всегда). Доходили до тополей, надували лодку, и переплывали Даугаву на другую сторону. На этой надувной лодке с веслами, которую отец нес на своих плечах. Не помню, кто весла нес. Брат или отец. Так еще же была огромная палатка, еда и их одежда. Так получается: лодка– 20–30 килограмм, весла– 5 кг, еда– минимум 5 кг, одежда– минимум 5 кг. Палатка брезентовая– минимум 10–15 кг, еще топор, пила, и всякая мелочь– минимум 5 кг. В общем, отец с братом несли килограммов 50–60. И это при том, что брату было десять лет. А я жаловался со своим громадным рюкзаком, своей же одежды. Так вот, переплыли Даугаву. Ее ширина примерно километр. Находили свободное место, чтобы желательно был небольшой пляж, удобный подход к воде, красивая прямая полянка и было много дров. Так как вся еда готовилась на костре.

Так мы оборудовали стоянку, и начинали там жить. Отец уезжал каждый рабочий день на работу. Как? Отца брат переправлял через реку, отец шел два км до электрички, и ехал на работу. Брат переплывал обратно, где его ждал я (один, в пять лет). И вот мы до вечера ждали отца. Что мы делали? Готовили сами себе еду. Заготавливали дрова, собирали ягоды, грибы. Просто так иногда рубили деревья в лесу... На будущие года, как говорил брат. Но самое главное, чем мы занимались в большую часть времени – это ловили сетями рыбу. Забрасывали вдоль травы сети, ждали пару часов, потом гоняли ее в траве. Потом проверяли сети, доставали ее, перекидывали в новое место. И продолжали это делать изо дня в день. Брат работал с сетями, а я сидел на веслах. Было помню очень тяжело, это река Даугава, там большие волны, сильное течение. Лодка большая, трехместная, надувная, и я пятилетний на веслах. А если у меня что-то не получалось, на меня всегда кричал брат. Так что, приходилось включаться, и силу подключать, и мозгами шевелить, как же там выгрести. Вперед, назад, левее... Отец возвращался вечером, и как он вспоминал и рассказывал мне – просто охреневал. Мы налавливали каждый день около 20 кг рыбы. Он говорил: «приезжаю я уставший с работы, смотрю – а у вас снова 20 кг рыбы. И так каждый день. Ну, я давай ее солить, а старую домой увозить, выжимать ее и вешать сушиться, чистая мясозаготовка. Ну, я же не мог вам сказать хватит ловить. Для вас же это как миссия, вас нужно было чем-то занимать». За две недели налавливали больше 100 кг. Питались, конечно, рыбой это само собой разумеется, и только ценной рыбой, минимум щука. А лучше судак или сом. В таком режиме и жили по две недели. Два или три раза так жили, в разные года, точно не помню. Но помню, что плавать я еще не умел. Научился плавать нормально в шесть или семь лет. Двух, четырех дневных походов, я и описывать тут не стану, их было полным – полно.

Но один все-таки стоит вспомнить. Как мне кажется, он меня сильно натаскал в плане выносливости на долгие годы. Поход был на велосипеде. У меня был «школьник». Это такой маленький велосипед с маленькими колесами. И это советский союз, велосипеды были, мягко говоря, так себе. Чтобы ехать, нужно было усердно крутить педалями. Мне было лет шесть, в школу я еще не ходил. Может даже и четыре или пять лет. Мы поехали на рыбалку в Закумузи (до сих пор, кстати, мы ездим в те же места, и на Даугаву, и в Закумузи). От Саласпилса это 20 километров по шоссе, по трассе. Я помню, что ехал впереди, брат сзади меня, отец в самом конце. Я должен был держать темп и не отставать. Мне было нереально сложно. Брат подъезжал ко мне, и кричал: «Мелкий дрыщ, едь быстрее, мы так никогда не доедим». Мне было нереально сложно, мне кажется, я плакал. А он подбадривал: «Ты мелкая баба и слабак», это

вынуждало меня перебороть себя и продолжать крутить педали. Изю всех сил, и даже больше. Я просто не мог остановиться, такой вариант исключался.

Может быть, именно поэтому все последующие годы я бегал очень хорошо кроссы, был хорош в спорте, всегда очень выносливый. Но самое главное, это работал характер и стержень: никогда не останавливаться и не сдаваться. Забегая вперед, в школе, не сделав домашнюю работу, можно было сказать: «нет домашней», получить двойку и все. Так делали почти все, но не я. Я был под номером 23 в журнале, иногда 25. У меня было время списать домашку, подготовиться на перемене, или во время урока. Я не сдавался, и делал ее, либо подготавливался к выходу к доске.

Первый кросс

В первом классе, когда мне было семь лет, второго или третьего сентября был первый спортивный день в моей жизни. Он был организован очень просто: встают все первые классы (их было примерно шесть, по 30 человек в каждом), и бегут вокруг школы. Кто первый прибежал – тот класс и выиграл. Это были мои первые официальные соревнования в жизни. Я помню, мы начали бежать. Пробежав примерно до середины школы, я понял, что впереди меня бегут всего человек десять, и нужно поднажать, и ускориться. Я поднажал, и уже под финиш впереди меня бежал один парень, и одна девчонка. Помню, как почувствовал, что силы у меня еще много, и поднажал, начиная их обгонять. Они тоже ускорились, но я чувствовал, что запас сил у меня бесконечный. И реально довольно легко опередил. Даже с небольшим, но запасиком. Забегая вперед: ровно через четыре года, начальная школа 1–4 классы. Переход в большую школу. И был такой же самый забег среди пятых классов, только теперь он был через поля. Примерно один километр. Тут я уже был нереально в себе уверен. И с самого старта побежал первым. Помню, как прибежал к финишу. Обернулся, и никого не увидел. Вроде как, через минуту только прибежал парень, и занял второе место. В этот же день, нужно было подтягиваться. Я подтянулся 30 раз. С рывками конечно, но это было допустимо. Это тоже было самое большое количество, из всех пятых классов. Наш класс снова стал самым спортивным. Спасибо походам, отцу и брату, за то, что я стал реально очень выносливым.

Получается, я довольно рано стал самостоятельным. То есть, мог приготовить поесть себе и семье уже лет в пять. Конечно самое базовое: картошка, макароны, яйца, но все же! Костер разжечь. И выносливость, и прихват, и думать ведь надо было, и главное делать. На фоне своих друзей, я казался на голову старше. В семье же, мне всегда казалось, что меня подгоняют, называют мелким, слабым, тупым (это брата тема). А в компании все было наоборот. Друзья казались тупыми, тормознутыми флегматиками. Стоят, тупят: ммм... эээ... нууу... Я говорю, так сделаем так и так, пойдем туда и туда. В общем, начал брать в свои руки ответственность и разруливать.

Мама

После моего рождения у мамы была послеродовая болезнь. Очень трудное время тогда предполагаю было. Моему брату пять лет, я грудничок, и мать заболевает и лежит в больнице. Причем не недельку, а как я понимаю даже не один месяц. Родители так мне и не рассказали подробности. Говорили, что не очень помнят. Что, когда, и как там было. Наверное, вычеркнули это из своей памяти. Представляю, как тогда было трудно отцу. Его Жена серьезно заболела и не известно когда она выздоровеет и выздоровеет вообще. И окружающие сто процентов напевали ему: «она возможно неизлечима, может это навсегда, а тебе нужно детей воспитывать, ищи новую маму своим детям». Отец не бросил маму, все потянул на своих плечах. За это ему огромный респект! Настоящий мужик и пример для подражания. Как бы часто он не подводил меня, или нас. Выпивал, или врал, или включал эгоиста. Все это полно компенсировал тогда своим мужественным мега поступком. В этом плане он отличный пример для окружающих, и настоящий мужик. А меня, грудничка, воспитывали то одна, то другая бабушка, и те, кто со мной сидели в то время. Я же считаю, что это тоже пошло мне на пользу. Я видел несколько точек зрения, мнений, убеждений. Я понимал, что один может говорить – делай так, а второй иначе. И мне самому нужно принять решение, как же поступить. Или попробовать сделать так и так, и проверить, что из этого получится. Абсолютного авторитета для меня не было. Получается меня воспитывали минимум две бабушки, деды вставляли свои копейки, отец, старший брат, и чуть позже подключилась по полной мама (которая компенсировала очень многое). Она была строгой, и очень громкой. Она не говорила, а кричала в прямом смысле слова: «Вадим!!! Убери свои игрушки!!! Пропылесось!!! Пыль убери!!! На кухне убери!!!!» и т. д. Зато в будущем, я сам стану педантом. И начну лоббировать везде чистоту и порядок. И даже любимая цитата станет «Дьявол кроется в мелочах». Спасибо ей!

Мама работала кондитером от моего рождения, до моих лет двадцати отроду. Два дня работает, два дня отдыхает. Работала в основном у печей. Нелегкая работа, деньги давались с большим трудом. Как было в Советском Союзе, с работы таскали (не воровали) то, что производили. Это считалось как премия. Начальство знало, и в пределах разумного позволяли это, семью накормить. Так что я все детство питался булками. Причем в очень больших количествах. Примерно четыре – пять булок вечером, с пол литром молока. И каждое утро около четырех булок. И я был очень худым. Нет, ооочень худым. Наверное, потому, что отдавал много энергии. Да и отец с братом тоже были стройные. Не такие худые как я, но спортивного телосложения.

Помню: «Мама, хочу эклеров». Хорошо, будет. Приносит большой пакет эклеров, килограмма три, и так две недели подряд. Мы объедаемся так, что дышать сложно. А потом: «Все, эклеры больше не носи, есть мы их не будем». Потом: «Мама, хочу шоколад». Хорошо, будет. И приносит килограммовый кирпич шоколада. Ножом еще соскребали и с чаем. «Все, шоколад можешь больше не нести», и т. д. Со многими кондитерскими изделиями так было. Так что даже теперь, к кондитерскому я отношусь посредственно.

Я буду бизнесменом и богатым

Мы жили бедно, и все мое окружение жило бедно. Было правда один – два знакомых, у которых родители были состоятельные. Да, они выделялись. Но, как-то зависти прям большой, к ним никто не испытывал. Ну да повезло, и все. Но, где-то нутром я хотел большего и лучшего. Я жил у бабушки Римы на даче, в кооперативе «VEF Balozí». Почти каждое лето, после шести – семи лет. Поскольку в Гарциемсе дачу продали, из-за долгов в семье Злотниковых по маминой стороне. Они бухали, пропивали все деньги, и были по уши в долгах. Бабушка Рима была очень экономной. В разы экономнее бабушки Эды. Считала и экономила каждую копейку. И я помню, как они с дедом парились на счет навоза. Навоз в моих глазах – это было говно. И я не понимал, как можно париться из-за говна. Его постоянно мало, нужно заказать. Добавить немного туда, а этого туда. Мне этого было не понять. И вот, как-то раз на даче, у бабушки Римы собрался сабантуйчик (человек шесть – восемь). Шел дождь, и все сидели в комнате, в кухне. И я сказал: «бабушка, не парься, я вырасту, стану богатым (не помню кем, бизнесменом или политиком), и привезу тебе целую машину навоза». Это было мое первое официальное заявление, что я буду бизнесменом и богатым.

Первые друзья

Первые друзья: Люрекс, Якоб, Женя, Славка, Санек. У меня всегда было много друзей. И главное – всегда были временные. То есть, в разные этапы жизни, в разных местах, городах, компаниях, я находил себе друзей. Но про первых друзей, наверное, нужно написать. Мой самый первый друг был, скорее всего, Якоб, тот с которым мы из детского садика сбежали. Но он никогда не считался лучшим, скорее я бы его назвал одноклассником. Но мы дружили и на районе. Первые друзья были мои соседи по дому. Это был Коля, который сам себе дал кличку Люрекс. Очень необычный парень этот Люрекс, увидел на нитках надпись «Люрекс», и начал себя так называть. Был еще один сосед – Андрей. Тоже дружили, но не так много и сильно, как с Люрексом. Поэтому, напишу больше о нем. Он был на два года старше меня. Отец его бухал и был довольно мутным. Потому, жили они очень бедно. Нет, не просто бедно, а очень бедно. Он мог ходить в рваной одежде месяцами. И он был реально чудной. Например, он уже в семь лет рассказывал мне о солнечной системе, и космосе. Как устроены планеты, что такое луна. С ним, скорее всего, это больше всего меня и сближало. Чуть позже, он будет со мной, и с пацанами играть в футбол, играть в компьютер, но нигде сильно не преуспеет. Может быть поэтому, в итоге, он полностью отпадет от нашей компании, и свяжется с пацанами на несколько этажей ниже. Необразованных, некультурных хулиганов, которые начали принимать наркотики примерно лет в 12–14. А в итоге, он станет дружить с ними, и окончательно от нас отвалит. О нас: это я, Санек и Женя. С ними, пожалуй, я провел большую часть своего детства. Еще были кореша: Шурис и Стас. Ну и я с Люрексом, это долго был костяк шайки. К нам еще присоединялись часто Костя, и Каспар с Якобом (мой одноклассник по садика). Иногда подтягивался Валера и Заяц. И мы часто пересекались, и играли с пацанами из другой банды по району, всех перечислять тут уже не буду.

Вернемся к костяку компании. Как я познакомился с Женей и Саньком. Меня брата друзья зарядили на то, что я должен бить всех своих одноклассников. Что это – мол, круто. И я так и делал. Подбивал на авантюру все того же Якоба, Андрея (соседа по дому), и мы вместе били всех. Не обязательно втроем. То есть, дрались один на один, но, если надо было, могли и два на два, и три на три. Женя был соседом Якоба. И Якоб предложил избить Женю, так как Женя был на год старше и сильнее его. Помню немного, как мы с Якобом, или я один побили Женю. Он побежал, и позвал своих лучших на тот момент друзей – Санька и Славку. Нам с Якобом пришлось подтянуть Андрюху из моего подъезда. Заруба была у магазина. Помню, дрались все сразу, но разделились на пары. Якоб – Женя, Саня – Андрюха, я – Славка (кстати, он был на два года старше меня). Очень цепкая драка получилась. Славка походу, на тот момент был одним из самых сильных моих соперников. Но я его победил. Санек побил Андрюху, и я когда закончил со Славкой, помог Андрюхе. Прибежала старшая сестра Санька, накричала на нас, и мы разбежались. Якоб проиграл Женю, и мы по этому поводу переживали, и решили отомстить Женю. Искали по району этих пацанов, чтобы им надавать по полной. Я реально не помню, как, и все подробности, но мы тогда с ними подружились. Они оказались классные парни. Я быстро понял, что они круче моих соседей – Андрюхи и Люрекса. И я начал дружить с Саньком, Женей и Славкой (он в итоге отпал, так как был из богатой семьи, и часто проводил время в закрытой школе и в разных кружках в Риге). С Саньком и Женей мы дружили очень плотно, примерно с 5–7 до 23 лет. Потом все меньше и меньше. Сейчас я вижу Санька пару раз в год. Женю не видел уже пару лет.

Какое сейчас детство у нынешних детей?

Мне кажется, их детство в разы скучнее. Мультки, телефоны, компьютерные игры, интернет. Все это им дают почти, или полностью в неограниченном количестве. Люди общаются все больше электронно, без настоящих эмоций, а со смайликами. А представьте, дети с самого начала своей жизни погружаются в это. Уровень близости и общения с окружающими, разными людьми, стал в разы меньше. Тридцать лет назад, люди в среднем смеялись 18 минут в день. На 2015 год – это всего две минуты. Скорее всего, с такими темпами, через еще 30 лет, это будут максимум десятки секунд. Так что, детство у меня прошло очень счастливое.

Глава 2. Школьные годы

Школа

Учился я всегда отлично. Не хорошист, а именно отличник. Правда, всегда была одна или две семерки по 10-ти балльной системе. Которые я выпрашивал у учителя, или добивался упорством, чтобы мне поставили восемь. В начальных классах это прокатывало, но дальше уже нет. Но я компенсировал эти 1–2 семерки большим количеством девяток, и даже иногда десятка могла показаться. При всех этих отличных оценках, я не могу сказать, что я прям учился. Я реально очень редко делал домашнее задание. Больше бы сказал, это вообще были исключения, когда я делал домашние задания. Стимул учиться отлично, в первую очередь был потому, что я должен быть первым, и лучше всех. Второе – чтобы мной гордились родители. Потому, как я постоянно слышал, как мама расхваливает всем, и говорит, что ее сын отличник и очень умный мальчик. Мне это очень нравилось. Третье – меня поощряли за хорошие оценки. Кстати, за плохие не наказывали. А просто бонусы, мороженко дополнительное я не получал, за плохие оценки или поведение. Все как-то выстроилось так (думаю не само собой, а мама так выстроила) – хочешь чего-то большего: игрушки там какие-то специальные, или на кружок пойти – ты должен быть отличником. Не будешь отличником – бонус не получишь. Прекрасный стимул. Причем, я же был активный пацан, деловой, и не заучка, не задрот, перед пацанами задротством не козырнешь. Поэтому, я научился схватывать налету, приспособился, так сказать. Ну и использовал очень часто легкий и хитрый метод. Я был специалистом по списыванию. Зачем самому париться, если есть «умный» одноклассник, или одноклассник-толковый, которого мама заставляет делать домашние задания, у кого можно списать и точно получить 8 баллов. Быстро, надежно, эффективно. Главное, – чтобы никто не заметил. Вот тут я преуспел. Научился писать с закрытыми глазами. В прямом смысле. То есть я читаю, что написано в тетрадке одноклассника, либо на шпартгалке, а другой рукой не глядя пишу у себя в тетрадке. Но, из-за этого думаю, я научился писать, как курица лапой! И грамматика всегда и во всех языках сильно хромала. Наверное, потому что я не парился о ней, списывая. Хотя, может и есть другая причина. Но грамматика на всех языках, всегда была самой большой точкой. Списывание – то списывание. Я пару раз занимался чистым преступлением. С одноклассником (еще тем хулиганом, но классным и толковым парнем Тимофеем), пару раз дописывали оценки в журнале. Он был в этом деле настоящий профессионал, так как часто одноклассникам оценки добавлял, иногда исправлял. Иногда даже замазкой мог затереть оценку преподавателя и поверх свою вписать. Он даже дошел до такого уровня, что пользовался только ручкой преподавателя, чтобы не докопаться было. Почти всегда я стоял на шухере, а Тимофеем исправлял или дописывал оценки. Мда... Было время.

Конечно, мне дописали оценки всего пару раз, и по самой трудной позиции (русский язык). Может, где-то еще один – два раза дописывали. Но все же, вот он – круглый отличник Вадим. Ну а что, все методы были хороши, если приносили результат.

Конечно, моим любимым предметом была физкультура. Ее я очень хотел, всегда. Я был лучшим. А по некоторым выступлениям (таким как бег и подтягивания), вообще лучшим между классами, а иногда и во всей школе.

Были нормальные предметы, которые мне и давались, и там было что-то интересное. Это: рисование, труды, математика, история, география, биология, физика.

Терпеть не мог русский язык. Это прямо было самое хреновое, что могло быть. Позже это стал латышский язык, именно в техникуме, все связанное с грамматикой. Диктанты, правописание и т. д. Вытягивала меня только литература. Там я мог и стих зачитать, с выражением,

и порассуждать с преподавателем о произведениях, тем самым получая бонусы и к оценкам русского языка.

Я участвовал на олимпиадах, довольно много раз. Но лишь однажды занял какое-то там место. Даже не третье, а четвертое вроде. По математике. Олимпиада проходила в латышской школе, вроде как между двумя школами. Нашей, русской и латышской. И даже тут, я умудрился из десяти заданий, где-то два списать подчистую. Которые не знал, как решить. Участвовал я на олимпиаде по математике каждый год. А еще по географии, истории, рисованию, русскому языку, литературе (да, да русскому... ну я же говорил, в литературе я вытягивал). И что-то было еще... то ли ЛВ– язык, то ли музыка... что-то очень интересное...

В школу мне давали столовые деньги. Через день, но давали по десять сантимов вроде. Иногда не давали, за плохое поведение. Но что-то накапливалось к концу недели или месяца. Мог на эти деньги купить что-нибудь. А примерно с 11–12 лет начал откладывать на дискотеки, и еще чуть позже первую выпивку, и сигареты. Но я не могу сказать, что я голодал в школе. Мне давали на булочки или суп, или на что-то из столовой. Первое: я как-бы мог с собой носить еду. Но это было не очень. То есть, этого не делал почти никто, кроме самых – самых лузеров. Это считалось стыдно, я с собой еду не носил. Да, и неудобно ведь. И место занимает, и воняет и т. д.

Во время школы наша семья все еще была бедной. Но по сравнению с частью одноклассников я казался богатым. Хоть меня и одевали в *sekond-hand*. Но нет – нет, а кроссовочки или курточка новая появлялась. Мама с Литвы привозила и одевала нашу всю семью. Так вот, а у части одноклассников этого даже не было. Нет, куда там. Один свитерок или майчонка. И одноклассник целый год в ней ходил. Реально вонял, потому что, скорее всего не мылся подолгу. Может потому, что дома воды не было. Может потому, что не было денег на мыло. И не только парни, но и у девчонок такое было. Жуть!!! Но были и очень бедные девочки, которые при всей бедности, и одном свитерочке, все равно были всегда чистыми и нормально пахли. Кстати, часто детей, которые были грязные, от них воняло, и ходили они в рваной одежде, через время пропадали из нашего класса. А через время классный руководитель говорил: «Нина больше не будет с нами учиться, теперь она в интернате». Реальная жуть. И вот из 27 детей в нашем классе, детей из малоимущих детей было примерно десять. Официально. По идее, и моя мама могла сделать нас малоимущими. И тогда, мы могли бы получать какие-то поблажки, налоговые льготы, пособие может. Но это нам казалось не этично и неправильно, когда мы (я и родители) видели, насколько плохо живет часть одноклассников. Бедным детям давали купоны в столовую. На полный комплексный обед, в который входило первое, второе, десерт и попить. Представьте себе, как неловко было этим детям кушать по этим купонам. И они очень редко, а вообще, почти никогда не ходили и не ели на эти купоны. Это очень быстро смекнул все тот же Тимофей. Он тоже считался из малоимущей семьи. А может, и нет. Он был беднее меня, но явно более состоятельный, чем многие в классе. То есть, он рос в семье из 11 детей. Он был где-то девятым. В большой семье клювом не щелкают. Это было про него. Так вот, он понял, что, например, его соседка и подруга Вичка из малообеспеченных (отличная позитивная, и очень чистая и культурная девочка), не использовала эти купоны. Так Тимофей брал ее купоны, и на них обедал. В какой-то момент я это заметил, и тоже начал спрашивать у одноклассников купоны, и ходить в столовую. Да, там конечно не был ресторан, но вполне себе неплохо кормили. Вот так я и питался в школьные годы, и умудрялся немного поднакапливать карманных первых деньжат.

Мелкий хулиган

Да, я был хулиганом и задирой. Мне нравилась движуха. Очень часто меня подстрекал одноклассник Тимофей. Он находил жертву, какого – то толстого пацана нашего года, или моложе, и мы его дразнили: «Беляш!!! Ты чего такой толстый?» и т. д. Но это так, по мелкому было. Гораздо хуже (и я до сих пор это помню, и мне до сих пор за это очень стыдно): в классе пятом – шестом я, и пара моих подельников, обижали более слабых одноклассников и ребят по школе. То есть, я бы мог с легкость побить Петю. Но нет, нужно было либо собрать, либо меня звали, и я участвовал в том, что мы трое или пятеро давали лещи и пендели Пете, и при этом обзывали его. Он плакал, убегал от нас. Мы конечно его с ловкостью догоняли, и повторяли это. Слава Богу, в 7– 8 классе мы перестали это делать – немного повзрослели. Начали думать про девочек, компьютерные игры. В конце концов, первая выпивка. Нужно было скинуться, чтобы купить пиво. И чем больше народу участвует в скидывании – тем лучше. Поэтому, не было смысла обижать того, кто может пригодиться. Вымогательством, слава Богу, мы никогда не занимались. Так что эти ребята, кого мы задирали, скидывали и подтягивались к нам и ко всем нашим идеям. Не скажу, что мы с ними дружили, даже не разговаривали, по сути. Но как минимум больше не били и не обзывали их. Простите меня, это было очень глупо.

Спорт и футбол

Каждый день я ходил по пять километров. Я жил на Горке, это мой район. А школа находилась на Гесе, это большой центральный район в Саласпилсе. Простыми словами, от школы до Геса было 2,5 км. То есть, туда и обратно в день пять км. В первом классе мне показали один раз, где школа, проводили меня, и все. С той поры, 1–9 класс каждый день я ходил пешком туда и обратно. Примерно три четверти пути с ребятами, остальное один. Потому как, в школу с утра я всегда шел с пацанами с района. А вот обратно, максимум полпути с «нормальными» одноклассниками до завхоза (это полпути). И то не всегда. Но и полпути точно один. Чаще всего, вдоль железнодорожных путей. И самое интересное, в этих прогулках я мечтал о том, что когда – то я буду богатым, и смогу позволить себе столько сникерсов, сколько захочу. У меня будет большой бассейн (не знаю, зачем мне бассейн). У меня будет сад с желтыми большими сливами, и сочными грушами. Ходил я и в снег, и в метель, и в реально лютые морозы (даже в минус 30). За все время, я ездил до школы на автобусе может раз десять. Потому что автобус – это было не по-пацански.

Как я уже писал, спорт у меня, получается, был с самого раннего детства. На районе еще мы обожали футбол. Наш район был русским, и все играли в футбол. Например, в Савхозе (был латышским районом), там латыши играли в баскетбол. Не было смысла играть с ними в баскетбол, они обыгрывали нас как детей. А вот в футболе – мы обыгрывали. Например, мы забивались на своем районе с латышами в футбол, которые были нас старше на 2–4 года. Нам, скажем по 11–13 лет, а им по 14–15, и почти всегда бились часами на равных. Если приходили пацаны постарше, латышей разбивали как детей. Те быстро сливались. А своим пацанам постарше, мы разве что мяч могли подносить. Но, в футбол мы рубились тоже странно. Часами могли играть, и даже зимой. Играли реально в прямом смысле, в грязи. Самое интересное, что на нашем районе не было ни одного футбольного поля. У нас за домами, на поле, где выгуливали собак и коров, было самое простое поле. Вот там, мол, и играйте, говорили нам взрослые и дворники. Но там были и кочки, и грязь, тупо земля. Так что мы играли во дворах, на газонах, до того момента, пока нас не выгоняли. Тогда мы шли в другой двор. Благо, на Горке таких дворов с прекрасными газонами было очень много. Около 10 точек таких, меняй – не хочу. А ворота делали из курток, маек, кофт. Чуть позже, уже палки втыкали, и деревья как штангу начали использовать. Мяч доставали по обстоятельству. У одного из друзей появится, подарок скажем, ко дню рождения, погнажи его лупить, пока он не лопнет или не проколется. И так постоянно, у меня только минимум три – четыре мяча было.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.